

Арк. Б-ОВ <Аркадий БУХОВ>

Шумные трупы

«Весеннее контрагентство муз».
Новый альманах футуристов

Действительно, их отрицание всякого шаблона — героично. Даже такая несложная вещь, как две ноги обывателя, заставила их окончательно принять психологию четвероногих, подойти к ним вплотную.

Один издает книгу:
«Волчье солнце» — 1 р.

Другой обещает:
«Танго с коровами» — 1 р.

А редактор последнего футуристического альманаха — «Весеннее контрагентство муз» — даже к читателю обращается:

«Достоин всякого уважения футурист на лугу общественного внимания...»

И я вполне понимаю их психологию. Общественное внимание — это луг, интерес общественный — стойло; литература — хлев.

Как же это не хлев, как это не стойло, если, несмотря на то, что они ни говорят и ни делают, есть люди, которые совершенно спокойно утверждают:

— В них что-то есть.

Таким предупредительным отношением здорового человека можно сделать сумасшедшим. Сегодня вы сказали извозчицье слово с эстрады, а к вам депутация от видных литераторов с поздравлением:

— Мудрое слово приветствуем, молодости твоей слава...

Владимир Маяковский на четвереньках догоняет Бурлюков... Маяковский мне напоминает Мартина Бергера... Бергер — чело-

век совершенно неизвестный литературе. Он написал одно только объявление о какой-то типографской справочной книге:

«Я, Мартин Бергер, сим объявляю, что кто не купит эту книгу, тот подлец и дурак».

Объявление это было напечатано во многих журналах. Я думаю, что с момента его появления вырос и литературный талант Маяковского. Из каждой его строчки так и сквозит утверждение Бергера: «Кто не согласен — тот подлец и дурак».

В альманахе Маяковскому предоставлено публику поразить стихотворением:

Я И НАПОЛЕОН

Я живу на Большой Пресне.
36. 24.
Место спокойненькое.
Тихонькое.
Ну?

Есть скандальные души, которые любят раздеваться в печати, но как-то умело у них выходит. А этот раздевается — и волосатая грудь наружу. Отведите детей в сторону...

Сосед Маяковского, г. Ник. Бурлюк, по-видимому, подводя итог своей литературной деятельности, сейчас же после рекламирования одной из известных столичных цветочных фирм, внезапно заявляет: «Я хочу жениться, но мне очень страшно и очень стыдно».

Прототип Бурлюков в XIX столетии Митрофанушка Простаков тоже хотел жениться, но ему не было стыдно. Неужели Цыфиркин, обучавший Митрофанушку Простакова, оказывал на него худшее влияние, чем наш знаменитый современник, поощряющий Митрофанушку-Бурлюка?

Завтра вы пришли на концерт в желтой кофте и с кнутом, а в передней вам пальто писателя подают:

— Кнутик завернуть прикажете? Дорого за материю изволили платить?

Говорить о футуристах одобрительно сделалось хорошим тоном.

Я думаю, что у всех этих веселых паралитиков уже есть свои биографы...

И вот футуристы растерялись. Им уже нечего говорить, нечего писать; успех нулевой. Бульварные издания честно ругаются, литературные льстят. Афраппировать некого. Говорить просто — потерять обаяние. Говорить «заумным» языком — еще отбегут хвалители.

Полная растерянность. Система работы распалась. Нужно просто задержать внимание: та же работа, какую выполняют лиловые джентльмены на фабричных папиросных плакатах.

И в последнем их альманахе все построено на этом опасливом чувстве: как бы не стали зевать и отвертываться.

Василий Каменский первый открывает веселый факельцуг. Здесь этот человек значительно веселее, чем он был сравнительно недавно, в других альманахах, где ему была представлена роль поэта. Здесь он просто разносчик непонятных, хотя еще неподдержанных слов.

Исполняет он свою обязанность с добросовестностью циркового атлета, разбивающего за сеанс не менее двух досок о лоб: контракт подписывает.

С неба лестницы
Вестницы
Девушки-песницы.
Розово-розово.
Райские птицы
Долинно
Голубинно
Из струй колесницы.
Виноград. Апельсины. Яблоки. Ананассы...

Неужели и здесь можно сказать, что в этом:

— Что-то есть...

В Велимире Хлебникове этого «чего-то» больше, чем у других его соратников.

Фраза и ремарка из его драмы:

Липяное бивьмо. Сладка нега белых тел. Милые.

(Пробегает заяц и, встав на задние ноги, бьет лапами).

Нужно же так напасть на русскую фауну... Неужели даже зайцы будущего так своеобразно сконструированы, что для вставанья у них ноги, а для битья — лапы?..

Другая ремарка из его драмы:

(Губина и губы мыслоноги и вельми широк лишай.

Пол покрыт зыбким толпомеховым мохом. Там всю ночь шалят развратноухие (!) шалые зайчишки, там бегают воленогие лисы и завалили в берлоги походно терпеливые шубые медведи.)

Неужели разврат будущего будет производиться ушами, хотя бы тех же зайцев?..

Как-то странно даже представить себе мораль будущего, поучающую:

— Берегитесь этого человека: у него развратные уши, плотоядные пятки и страстная ключица. Он развратнолысый.

Будет, будет...

Вся книга — сплошная цитата гнойного хамства и растерянного издевательства. И даже никакой попытки вперед, какую пытаются навязать футуристам их хвалители. Даже сам редактор сборника сознается:

Измахнула медь мечом три раза...
...Ползем вперед. Змея. Осел.

Именно ползут. Змея отстала. А другой ее спутник и позволил мне дать вам образцы своего творчества, приведенные выше. Это для него — реклама.

